

The town of Kirillov emerged on the place of artisans' villages surrounding the Kirillo-Belozersky Monastery. In 1776, when the Kirillov district of the Novgorod Province was instituted, it received the status of the town with the population of about four thousand. Before the revolution there used to be four parish churches there.

The Cathedral of the Holy Virgin of Kazan is the main church of the town. It was built not far from the monastery, and was surrounded by a spacious market square, where big fairs used to be held during church holidays. We do not know the date of its foundation. First, it was a wooden structure, and the modern stone building was erected in 1820-1825, according to architect Alexander Starov's project. It was built by brick-masons from Vologda, led by Mikhail Mezentsev. Local inhabitants supplied the necessary materials, and helped with the brickwork, smiths and roofers were invited from Belozersk.

Residents of Kirillov wanted to have a richly decorated parish church, so they willingly made donations, for which in the middle of the last century new iconostases were made and icons were painted anew. All the icons were set in precious silver mountings by Ivan Zuyev, a famous craftsman from Vologda. The Cathedral of the Holy Virgin of Kazan was also well known for its combination of church bells.

The cathedral was closed down after the revolution, along with other churches in Kirillov, its bells were sent away to be melted over again, and the belfry was destroyed. Not so long ago a winery was still functioning inside the cathedral's building. But then the church was given back to believers, and now interior restoration work is underway there.

In the town's outskirts, at the place of the old cemetery, separated from the streets by a small bay of the Siversky Lake, there is situated the Church of the Twelve Apostles. It used to

be a wooden building, and in 1838 was built anew as a stone structure by the local mason Fyodor Matveyevsky for money donated by the Kirillov merchants.

The Church of the Ascension, the third one in Kirillov, was built in 1798. Its interior decoration took five more years. The old town cemetery was attached to it.

The second town cemetery was situated in the southwest of Kirillov, near the Belozersk road. Here stood the St Nicholas Church, which was pulled down to reuse its bricks in the 50s.

FROM THE HISTORY OF THE TOWN OF KIRILLOV'S PARISHES

ГАЛИНА ИВАНОВА

«Я подрядился сделать...»

ИЗ ИСТОРИИ КИРИЛЛОВСКИХ ПРИХОДОВ

Прежде уездный, а ныне районный центр Кириллов ничем не выделяется из ряда других подобных малых городов. Редко какой приезжий проявляет интерес к малоприметной застройке жилых кварталов, но почти никто не обходит скромных приходских церквей, словно разбежавшихся по дальним углам городка. Для человека, впервые оказавшегося в Кириллове (и это естественно) городские улицы как бы перестают существовать при виде величественных стен и могучих башен знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря.

Но местные жители каждый день ходят мимо бывших купеческих особняков и старых общественных зданий, превращенных с давних пор в конторы и магазины, из окон своих квартир они видят неопрятные завершения приходских церквей, занятых складами и гаражами. Эти здания, некогда составлявшие предмет гордости горожан, без надлежащей заботы похожи порой на нищих или калек рядом с грандиозной «северной лаврой», и в советское время остававшейся местом паломничества туристов и художников.

Долгое время жители Кириллова мирились с вопиющей дисгармонией между городской застройкой и монастырским ансамблем. Да и что можно было сделать в одиночку, если местные чины не

утруждали себя подобными соображениями. А когда все же случилось привлечь внимание к аварийному дому, итог был один — затевался очередной снос.

Однако вопреки профессиональной несостоятельности, непониманию градостроительных проблем и равнодушию районных властей к благоустройству, в Кириллове уцелели три из четырех существовавших приходских храмов — собор Казанской Богоматери, церковь Вознесения на бывшей Вологодской улице (ныне ул. Свободы), церковь Двенадцати апостолов — на Череповецком тракте. Четвертая церковь Николая Чудотворца, стояла на старом Белозерском тракте, но теперь это место поросло бурьяном.

Почти все приходские церкви возникли еще до переименования подмонастырской слободы в город. Это обстоятельство во многом повлияло на план регулярной застройки, по которому Кириллов развивали с конца XVIII века. Вполне осознанно старые церкви превратились в доминанты окраин новоустроенного города, зафиксировали его границы — возле них заканчивались ведущие из центра улицы, переходя в загородные тракты...

Нынешние перемены заставили городскую власть изменить отношение к наследию, оставленному предыдущими поколениями жителей Кириллова. Пришла пора заговорить о вере и традициях прадедов, открыто требовать возвращения достоинства тому, что было незаслуженно поругано. Столь очевидное в наши дни пробуждение таившихся духовных и нравственных сил обязывает вспомнить и позаботиться о том, что создано до нас.

Заглянуть в прошлое позволяют городские архивы, сберегаемые музеем. Старинные приходо-расходные книги, контракты и сметы, списки жертвователей открывают нам дела и имена трудолюбивых предшественников.

Первым делом кирилловская общественность и приходская община, получившая ранее во временное пользование церковь Сергия Радонежского внутри Кирилло-Белозерского монастыря, потребовали немедленного выведения из бывшего городского собора винного цеха и передачи храма общине.

Собор строился несколькими поколениями. Это самая ранняя приходская церковь Кириллова по времени возникновения. Скорее всего именно она упомянута в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 года под именем Казанской церкви, принадлежавшей тогда монастырю, хотя и стоявшей вне его стен. Опись дает основные сведения об этой постройке: «церковь деревянная ... с трапезною теплою. По левую сторону придел Иоанна Богослова, верхи шатровые, кресты и главы паяны белым железом...» Кроме того, над папертью имелась небольшая колокольня с пятью колоколами. Часть внутреннего убранства названа «мирским строением». Следовательно, это создано на средства ее прихожан, жителей монастырской слободы. Не исключено, что небольшому шатровому храму XVII века предшествовала еще более ранняя постройка, из которой, видимо, и происходит известная икона «Преподобный Кирилл Белозерский» XVI века, хранящаяся ныне в Русском музее в Петербурге. Каменный храм на месте деревянного возведен был в 1700 году. О строительстве каменной с деревянным верхом церкви сообщает церковная ведомость за 1718 год со ссылкой на вкладную книгу 1693 года и опись 1713 года. С этого времени Казанская церковь принадлежала уже не монастырю, а подмонастырской слободе.

После того как в 1776 году подмонастырская слобода была преобразована в уездный город, Казанская церковь была обращена в собор. Вскоре встал вопрос о его расширении и придании ему более представительного наружного вида. Начался сбор пожертвований на строительство. В апреле 1810 года протоиерей собора Василий Кириллов, церковный староста и городской голова купец Петр Гостинщиков обратились к новгородскому архиепископу с прошением о строительстве колокольни и теплой церкви. Одновременно началась заготовка строительных материалов. К постройке холодного храма в Кириллове приступили несколько позже. Обнаруженный недавно в архиве чертеж фасада и плана собора сопровождает надпись, из которой следует, что благословение на сооружение колокольни и теплового храма давал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий. Строить холодный храм разрешил митрополит Михаил 4 января 1819 года, то есть через шесть лет после завершения отделочных работ в теплом храме и на колокольне. В одной из расходных книг обнаружилось имя автора проекта холодного собора: «Планы, профиль и фасады для соборной в городе Кириллове церкви во имя Казанской Божия Матери сочинены господином коллежским советником и кавалером Александром Ивановичем Старовым в Москве 9-го июня 1817 года». Нет, речь не идет о знаменитом зодчем И. Е. Старове, строителе собора Александроневской лавры и Таврического дворца в Петербурге. План для Кириллова создал его старший сын, славы отца не снискавший, но тем не менее достаточно авторитетный в своей среде. Обращает на себя внимание, что церковный клир отказался от многочисленных типовых проектов соборов, наиболее доступных и дешевых. Это свидетельство состоятельности жителей Кириллова и их ревностного отношения к облику своего города.

А. И. Старову (1772—1838) при проектировании холодного храма для Кириллова пришлось считаться с тем, что колокольня и теплый храм уже были возведены. Судя по чертежу 1819 года и по открытке начала века, колокольня Казанского собора представляла собой трехъярусное сооружение с высоким шпилем. Западный фасад украшал четырехколонный портик, справа и слева от которого были устроены палатки. Верхние ярусы имели высокие арочные проемы, обрамленные по сторонам колоннами и огражденные деревянными перилами. Некоторые особенности архитектуры теплой церкви — неодинаковая длина стен, следы распушек над окнами — дают основание считать, что строители включили часть церковной постройки 1700 года в новое сооружение. Из записей расходов за 1811 год мы узнаем, что «колокольня кладена подрядчиком вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря штатным служителем Федором Васильевым Матвеевским, и как она колокольня, так и теплая церковь изнутри и снаружи шкелтурены по договору ценою за 1800 рублей». Каменщики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря издавна славилась мастерством, их часто приглашали в другие волости и уезды, работали они и в Кирилло-Белозерском монастыре. Имена прилуцких мастеров неоднократно встречаются в документах, связанных со строительством церквей в Кирилловском уезде, на протяжении всего XIX века.

Из расходных записей мы видим, что в декабре 1810 года Матвеевский получил в задаток по договору 200 рублей. Но разборкой старой деревянной колокольни, спуском колоколов занимался не он, а кирилловские мещане Иван Потапов Меньшой и Матвей Башнин. В начале следующего года работа по разборке колокольни закончена и в феврале Иван Потапов получил остаток договорных денег. При этом о разборке стен и сводов теплой церкви, которая в отличие от колокольни была каменной, ничего не говорится. В марте 1819 года вологодский цеховой мастер И. М. Сиротин начинает разбирать иконостас старого холодного храма, а в апреле того же года подрядчик М. А. Мезенцев получает задаток по договору за сломку холодного собора. Далее с Мезенцевым заключается договор и на строительство холодного собора по проекту А. И. Старова. И вновь ни слова о ломке теплового храма, что лишний раз убеждает, что строители использовали часть старой постройки, ограничившись не

значительными дополнениями. По условиям договора Мезенцев в апреле 1821 года получил 435 рублей — «за разборку стены и чистку 31 тысячи кирпичей». Этот кирпич снова пошел в дело.

Строительный материал для колокольни и собора поставляли местные люди. Обжигом и доставкой кирпича занимались кирилловские мещане Андрей Корепин, Василий Архипов, Андрей Талицкий. Известь возил из-за реки Шексны в течение почти полутора десятка лет крестьянин деревни Ладунино Ольховской волости Семен Анкудинов. Кузнечные работы, а именно ковку гвоздей, «грановитого» и «резного» железа для колонн, связей, решеток и подвесок для колоколов, делали Иван и Яков Чухины. На другие ответственные работы — изготовление резьбы и золочение иконостасов, покрытие кровель сложных очертаний — приглашали мастеров из Вологды и Белозерска либо нанимали помещичьих людей.

Первый камень в основание холодного Казанского собора был положен 1 марта 1820 года. И только к 1825 году завершаются наиболее значительные отделочные работы. Сравнение старовского проекта с натурой убеждает, что Мезенцев не позволил себе ни малейшего отступления.

К отделке интерьеров собора жители Кириллова отнеслись с той же серьезностью и большими запросами, что и при выборе проекта. Старые иконостасы разобрали полностью и 43 иконы, царские и пономарские врата, тумбы нижнего яруса передали в одну из уездных церквей. В отличие от прежнего в новом храме устроили три престола. В теплом отделении слева — во имя апостола Андрея Первозванного, справа — Богоматери Боголюбской; престол холодного собора был освящен, как и прежде, в честь Богоматери Казанской.

Из старых образов для новых иконостасов сохранили только особо чтимые — с изборажениями преподобного Кирилла Белозерского и Казанской Богоматери, причем на образ Богоматери Казанской еще раньше был заказан дорогой оклад. Серебряную золоченую ризу, обложенную драгоценными камнями, в 1809 году выполнил выдающийся вологодский серебряник И. М. Зуев. Он много работал по заказу Вологодского архиерейского дома, а в 1837 году принял участие в губернской выставке. Произведения Зуева хранятся в музеях Москвы, Вологды. Впоследствии Зуева еще дважды привлекали к украшению икон кирилловского собора: в 1843 году он делал «серебряную с позолотой... и украшенную на бархате жемчугом ризу» для другой иконы Казанской Богоматери, а в 1851 году — серебряный оклад для Тихвинской Богоматери. Ставил новые иконостасы теплых церквей столяр Иван Потапов Большой. И, судя по выплаченной ему сумме — 17 рублей, он не делал, а только монтировал готовую конструкцию. В 1859 году эти иконостасы заменили более современные, изготовленные в Петербурге по рисункам академика Ф. Г. Солнцева. Там же были заказаны новые образа, которые выполнил иконописец двора его императорского величества М. Пешехонов.

В холодном храме с 1825 года до самого закрытия собора стоял иконостас работы вологодского цехового мастера-резчика И. М. Сиротина и белозерского посадского столяра И. Т. Дьяконова (Ригина). Иконы в холодный собор писал крепостной человек помещика Орлова иконописец Петр Иванов, отпущенный на заработки в Москву. В 1824—1826 годах ему было уплачено за написание икон для города Кириллова 1350 рублей. Кроме того интерьер украшали картины «Воскресение» и «Снятие со креста», купленные в 1825 году в Петербурге у академика живописи В. И. Мошкова, одного из первых русских баталистов. Полы как в теплом, так и в холодном отделениях Казанского собора были настланы привозными белокаменными плитами.

Богослужения в холодном соборе начались, вероятно, уже летом 1825 года, когда закончили монтаж иконостаса, но отделочные работы велись и

в последующие годы. Так, спустя десять лет дворовый человек помещика Жандра И. А. Зимин расписывал «вверху алтаря составными колерами и золотыми звездочками и карнизы под лепную работу».

Предметом особой заботы церковного причта являлся выбор колоколов — их вес, благозвучие, чистота тона. На колокольню колокола впервые поднимали летом 1812 года, состав их неизвестен, вероятнее всего, это был подбор старой колокольни. В 1849 году на заводе московского купца М. Г. Богданова был приобретен колокол весом в 115 пудов 10 фунтов (1844 кг). В конце XIX века этот колокол разбился и взамен в 1895 году купили новый весом в 120 пудов на заводе Оловянишникова в Ярославле.

...Разрушили колокольню в конце 1935 или начале 1936 года. Старожилы вспоминают, как шпиль с помощью тросов сдернул трактор, а колокола еще раньше увезли в переплавку. Тем не менее собор оставался средоточием городской жизни, у его стен до 1960-х годов дважды в год собирались многолюдные ярмарки, а по воскресеньям шумели базары.

В 1828 году к Казанскому собору была приписана деревянная церковь Модеста, патриарха Иерусалимского, стоявшая за пределами подмонастырской слободы, при кладбище, и отделенная от города небольшим заливом Сиверского озера. Судя по графику 1720 года, храм был пятишатровый, состоявший отдельно колокольней. Клировые ведомости 1820-х годов отмечают ветхость обеих построек. Богослужения здесь совершались священниками городского собора только в храмовый праздник да еще служили здесь по умершим.

Вскоре грозившую обрушением колокольню убрали, заменив на столб с навесом для колокола. Ненадолго пережила колокольню и сама церковь — ее разобрали на дрова в 1838 году. Но кирилловские купцы Лазарев, Каменский, Гостинщиков, Шушерин, Котельников, Коквин, Булчев, Кемский организовали сбор пожертвований и подали прошение о постройке при кладбище новой церкви. На стройку свезли остатки кирпича от Казанского собора, подписали новые договоры с прежними поставщиками. А 20 апреля 1832 года митрополит Новгородский Серафим утвердил представленный план и фасады церкви Двенадцати апостолов при кладбище. Автор проекта неизвестен, но ординарность архитектуры — небольшой кубический объем, перекрытый куполами, — наводит на мысль об использовании типового проекта. Впрочем, спустя полтора столетия и типовые церкви следует считать достопримечательностями города.

Возводил церковь Двенадцати апостолов уже знакомый нам подрядчик Ф. В. Матвеевский, строивший ранее колокольню Казанского собора. Кладбищенскую церковь освятили в 1836 году, когда была деревянная церковь Модеста. Поначалу храм не имел колокольни, и только спустя два года священник и староста выхлопотали разрешение на ее устройство. Невысокую двухъярусную колоколенку возвели, вероятно, в 1840 году, так как именно тогда, судя по документам, купили в Москве двадцатипудовый колокол.

Одноярусный иконостас сделали местные столяры и резчики. Вологодский мастерской К. К. Комаровский окрасил его под слоновью кость и позолотил резьбу. Иконы, как и для Казанского собора, заказывали в Москве у купца Г. В. Рогова.

Церковь и кладбище раньше окружала ограда на каменных столбах, от которой остались теперь руины массивных ворот.

К середине прошлого века вблизи кладбища вырос новый городской район, называемый Копанью, и с 1879 года здесь уже не хоронят. В Копани первоначально селились смыльные поляки, евреи. В конце столетия на берегу Лохты, залива Сиверского озера, поднялось трехэтажное здание духовного училища, долгие годы пребывав-

шее в стенах Кирилло-Белозерского монастыря. Воспитанники училища, бурсаки, и стали основными прихожанами церкви.

Новое городское кладбище открылось в 1879 году на северо-восточной окраине города вблизи приходской церкви Вознесения и Вологодской дороги. Ранних сведений об этом храме нет, известно только, что стоявший на этом месте деревянный храм сгорел в 1796 году. Тогда же церковный причт и подрядчик заключили меж собой контракт. Его содержание стоит привести полностью: «1796-го года сентября 1 дня Вологодского уезда экономического ведомства села Коровничева, Выпрягова тож, крестьянин Давид Дмитриев сын Плехов договорился в Новгородской губернии города Кириллова церкви Иоанна Воина со священником Петром Иосифовым, с причетником церковным старостой Яковом Семеновым и приходскими людьми. По подписанному его высокопреосвященством Гавриилом митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским плану и фасаду, вместо сгоревшей Иоанновской церкви на том месте, где она была, из церковного кирпича возвести вновь на сделанном мною фундаменте надлежащего каменную церковь Вознесения господина с пределом внутри оной (с алтарем) великомученика Иоанна Воина. В длину, высоту, ширину (и стены), толщину против вышеописанного плану и фасаду в плане производит во всем том планом положены».

Средства на строительство церкви Вознесения собирались с помощью сборной книги в Кирилловском и Белозерском уездах. Но денег явно не хватало, и в декабре 1798 года городской сход составил «приговор», который обязывал купцов ежегодно давать на церковь 100 рублей «полавочных» денег — торговой пошлины.

Вознесенская церковь, как и городской собор, состояла из теплого и холодного отделений. Престолы в каменной церкви остались с тем же посвящением, что и в деревянной: в холодной — Вознесения, в теплой — великомученика Иоанна Воина. Основные строительные работы и освящение одного из отделений, как сообщает клировая ведомость, состоялись в 1798 году. Но отделка продолжалась до 1803 года, о чем свидетельствуют расписки в получении денег по вышеозначенному контракту с крестьянином Давидом Плеховым. Службы в церкви Вознесения могли начаться в 1798 году, что следует из расписки старосты в получении колоколов из Кирилло-Белозерского монастыря. В ту пору монастырь, лишенный указом Екатерины II о духовных штатах многих привилегий и угодий, оскудевший после случившегося в 1764 году большого пожара, продавал «лишнее» имущество. Таким образом, в июне 1798 года пять малых колоколов общим весом 20 пудов 35 фунтов оказались в приходской церкви.

А вот об убранстве интерьера сведений не сохранилось. Скорее всего, при устройстве обоих иконостасов обошлись местными силами. В 1866 году церковный причт попытался заменить иконы. Об этом рассказывает следующий любопытный документ: «Санкт-Петербург. временного цеха мастер иконописец Петр Ионов Наговицын и Кирилловской городской Вознесенской церкви церковный староста Кирилловский купеческий сын Алексей Иванов Башнин заключили сие предварительное условие в том, что я, Наговицын, подрядился сделать по данному мне и подписанному самим Башниным рисунку величине и размеру икон, какая назначены имена святых. Иконы должны быть написаны в греческом виде, как головки, так и платья, писанные лучшими, прочными масляными красками. Фон и поля у икон должны быть вызолочены... Икон местных 21, клейм 31... Вышеозначенные иконы обязуюсь приготовить к 1 февраля 1868 г. и упаковать в ящики на мой счет... до г. Кириллова провоз должен быть Башнина. За вышеозначенные иконы мне Наговицыну получить с него, Башнина, 1000 рублей серебром». По неизвестным нам причи-

нам договор с Наговицыным был расторгнут, о чем имеется запись от 20 декабря 1867 года.

Вознесенская церковь, оставаясь приходской, стала и кладбищенской после закрытия кладбища у церкви Двенадцати апостолов. Новое кладбище получило название «Ивановского» по одному из приделов. В обиходе горожан приходилось слышать такие выражения: «понесли к Ивану Воину», «пора к Ивану Воину», что означает путь к последнему земному пристанищу. В 1885 году на кладбище поставили небольшую каменную часовню, где и стали отпевать усопших.

Второе городское кладбище находилось за юго-западной окраиной города, именуемой «Обшара». Вдоль кладбища пролегал оживленный Белозерский тракт. По желанию купеческой жены Марии Ивановны Сизьминой и на ее средства там построили церковь Николая чудотворца, которую освятили 27 июля 1894 года. Помимо этого, купчиха положила в банк на счет церкви 9 тысяч рублей, проценты с которых шли на содержание храма и штата. Сизьмины наряду с Симоновыми и Вальковыми являлись до революции наиболее богатыми горожанами и слыли щедрыми жертвователями. На средства П. А. Симонова в 1916 году было построено самое большое городское здание — Народный дом (ул. Преображенского, 4), в котором ныне размещаются Дом культуры, библиотека и магазины.

Представление об архитектуре Никольской церкви дает опись, составленная в 1894 году, сразу по завершении строительства. «В виде параллелограмма шириной внутри 3 сажени 1 четверть в длину 5 сажень, 2½ аршина до иконостаса, алтарь полукружный, — говорится в ней. — Под колокольной паперть, сторожка со всходами на колокольню, крыльцо под железную крышей, 8 окон, 3 печи, решетки, пол окрашен охрой, стены под мрамор, а выше — цвет моря. Колокольня 4-х гранная с 8-ю прорезами для колоколов, украшена уступами и карнизами. На храме 5 небольших глав с крестами, на алтаре одна, на колокольне одна, крыша окрашена медянкой». На шатровой колокольне висело семь небольших колоколов, один из них украшала надпись: «о здравии Иоанна и Марии». Мария Ивановна Сизьмина не только выстроила храм на собственные средства, но и полностью отделала, и снабдила утварью. Иконостас столярной работы, окрашенный в голубой цвет с золотом, состоял из двух ярусов икон.

Вокруг храма сразу же устроили ограду «из толстых досок стоймя с одними воротами».

Церковь Николая чудотворца, единственная из четырех приходских церквей Кириллова, была полностью разрушена. Ее разобрали на кирпич в пятидесятые годы, и сейчас среди заброшенных могил и поросли тополя едва различимы следы фундамента. Значительно раньше утратили свои колокольни Казанский собор и церковь Двенадцати апостолов. Церковь Вознесения, хотя и сохранилась лучше других, но в ней и вокруг нее долгие годы размещается автопредприятие.